

УДК 821.161.1

## РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОД Л. ЛЕОНОВА И В. ШАРОВА: ИСТОРИСОФСКИЙ ДИАЛОГ ДВУХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ирина В. Ащеулова<sup>a, @</sup>

<sup>a</sup> Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ asheulova@mail.ru

Поступила в редакцию 29.12.2017. Принята к печати 31.10.2018.

### Ключевые слова:

образ революции, образ народа, художественная историософия, русская история

**Аннотация:** В статье рассматриваются переключки исторического мышления двух писателей – Л. М. Леонова (роман «Пирамида») и В. Шарова (романы «Репетиции», «До и во время», «Воскрешение Лазаря», «Будьте как дети»). Для анализа выбираются центральные художественные образы и мотивы романов – русской революции и народа. Гипотеза статьи состоит в обнаружении точек схождения между авторскими историософскими концепциями. Русская история у обоих писателей подвергается многомерному анализу, во многом демифологизируется как образ революции, открывшей возможности создания нового мира (рая на земле) и нового человека, так и образ народа-богоносца, утратившего веру в погоне за социальными чудесами. Оба писателя видят в революции центральный историософский образ всей русской истории; обнаруживают катастрофичность и эсхатологичность революции для основ русской жизни, традиции, бытия; выделяют символику огня, костра, пожара, пожирающего и Россию, и народ, и отдельного человека. Революция предстает бездной, в которой исчезли миллионы людей и страна в целом. Л. Леонов, придерживаясь теории цикличности русской истории, видит феноменологическую сущность революции, это странное и страшное наваждение, захватившее человека, страну, народ. В. Шаров доказывает обычность, повторяемость революции в русской истории, для писателя очевидна цикличность истории. Художественная стратегия В. Шарова заключается в воспроизведении индивидуального слова как реакции на революцию, слова как выражения отношения к реальности и метафизическому миру, Богу. История сохраняет следы присутствия индивида, имеет память.

**Для цитирования:** Ащеулова И. В. Революция и народ Л. Леонова и В. Шарова: историософский диалог двух писателей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 182–189. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-182-189>

### Введение

Современная отечественная литература, литературный процесс «сегодняшнего дня» исследуется активно и многоаспектно. За последние годы опубликовано достаточно качественных учебных пособий [1; 2] о литературном процессе, дисциплина *Современный отечественный литературный процесс* прочно входит в учебные планы филологических факультетов классических университетов. В современной отечественной литературоведческой науке предметом изучения становятся трехуровневая структура современного литпроцесса (элитарная литература, массовая литература, беллетристика), жанры, отдельные аспекты авторских художественных стратегий. Безусловно, можно говорить о ситуации концептуального осмысления новейшей литературы. В этом смысле особое значение приобретает изучение и осмысление *ближних, дальних, удаленных* контекстов творчества

отдельных писателей, что позволяет выявлять закономерности литературного процесса.

1990-е гг. в контексте развития современной новейшей литературы по праву можно называть *переходными*. Это десятилетие не только вернуло литературу к ее исконным русским истокам (от советской к российской), подвело итоги XX в., но и открыло новые имена, направления, дискурсы, определило новые контексты. В 1990-е гг. классики XX в. Л. М. Леонов, В. П. Астафьев, А. И. Солженицын публикуют итоговые произведения, в которых обнаруживаются катастрофический исторический личностный опыт и пессимистические прогнозы о судьбе народа и России. Думается, что многое осталось неуслышанным, неосмысленным и откровенно непрочитанным. Именно поэтому следует возвращаться к размышлениям 1990-х и находить переключки с современной проблематикой.

### Проблематика статьи

Одной из самых важных проблем литературы 1990-х гг. становится национальная идентичность, оценка нации в исторических обстоятельствах XX в. Итоговые произведения Л. М. Леонова, А. И. Солженицына, В. П. Астафьева затрагивают историческую проблематику и особенности национального русского характера. В этом смысле *итоговость* размышлений писателей советской эпохи совпадает с зарождением авторских художественных историософских концепций 1990-х (В. Пьецух, В. Шаров, Ю. Буйда, В. Пелевин), старшее литературное поколение с определенным историческим опытом вдруг во многом совпадает с молодым, только вступающим в литературу. Таким образом, обнаруживаются *удаленные* контексты для развития исторической реалистической, постмодернистской квазиисторической, альтернативно-фантастической исторической прозы. Дискурс исторического повествования становится тем интеллектуальным полем, где сходятся многие авторские интенции.

Исходя из обозначенной проблематики целью данной статьи следует считать обнаружение возможного историософского диалога между итоговым романом Л. Леонова «Пирамида» (1994) и прозой В. Шарова.

Прозу В. Шарова исследователи (М. Липовецкий, И. Скоропанова, В. Курицын) вписывают в постмодернистский квазиисторический контекст, сопоставляя с такими именами, как В. Пьецух, В. Пелевин, Ю. Буйда, Саша Соколов. Но нам представляется, что проза В. Шарова, проявляя постмодернистскую эстетику (сослагательность истории, ирония, формы фантазмагии, деконструкция исторических мифов и образов исторических личностей), может быть изучена и в аспекте реалистических форм исторической прозы, поскольку смешивает разные дискурсы (нередко стилизуя повествовательные формы) и разные жанровые модели, становясь то повествованием о народном жизнестроительстве, то судьбой личности в обстоятельствах прошлого, то воплощением исторических идей прошлого, не реализованных в действительности<sup>1</sup>. Поэтому обращение к роману Л. Леонова важно для выявления стратегии современного писателя.

При том что «Пирамида» неплохо изучена в отечественном литературоведении [4–10], не оставляет сомнения связь романа с Ф. М. Достоевским и Н. С. Лесковым, с философско-эстетическими исканиями и художественными открытиями Серебряного века, возникает проблема в прочтении

и осмыслении романа-наваждения для новейшей отечественной литературы. Например, такие ключевые фигуры современного литпроцесса, как А. Варламов, Д. Быков, З. Прилепин, активно позиционируют собственное творчество как продолжение леоновской традиции. Перечисленные писатели известны и как авторы эссе о Л. Леонове и биографии Л. Леонова в серии «Жизнь замечательных людей» [11; 12]. Однако в современной критике не прослеживается попыток увидеть в «Пирамиде» ближайший контекст современной историософской прозы в ее типологическом разнообразии.

В. Шаров не называет имени Л. Леонова близким себе, но в интервью, романах, эссе проговаривает те категории, что важны в художественном мире Л. Леонова: пирамида, цикличность истории, отношения человека с Богом. Мы остановимся на двух концептуальных историософских образах, позволяющих увидеть творческий диалог двух писателей – это образы русской революции и народа.

### Образ революции в романе Л. Леонова «Пирамида» и прозе В. Шарова

Подчеркнуто эсхатологический смысл усматривает писатель в событии русской революции. В «Пирамиде» о революции размышляют три центральных персонажа: о. Матвей Лоскутов, Вадим Лоскутов, Сталин. И все три, независимо от занимаемого положения и особенностей мышления, приходят к пониманию революции как конечного исторического события, очистительного костра, в котором сгорает старая жизнь, традиции, вера, старая сущность человека и осуществляется боготорческий проект по воплощению Царства Небесного на земле, руками самого человека, вне диалога с Богом. Приведем несколько цитат.

О. Матвей: «Из искры возродившееся пламя быстро становилось *повсеместной огненной бурей*<sup>2</sup>, в которой пылала и плавилась всяческая сорная старина – святыни, обряды, потребности, ремесла, включая тысячелетнюю государственность и самую веру русских. *В середине первой пятилетки, куда ни глянь, по всему горизонту стлалось незримое, обжигающее душу зарево*<sup>3</sup>; «Воистину обширная, незримая зола простирается ноне кругом нас: *экое кострище из России содеяли* – еще полвека отпыхает, пока не прогорит дотла!»<sup>4</sup>; «И вот, чуть сумерки, все мы, обреченное, слепнущее старичье, *мысленно бродим по своей неостылой погорельщине* и в потемках, благоговейно подымая

<sup>1</sup> Подробнее о данной тенденции см. [3].

<sup>2</sup> Здесь и далее по тексту примеров слова выделены курсивом автором статьи.

<sup>3</sup> Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 55.

<sup>4</sup> Там же, с. 56.

из-под ног обугленные головешки, на ощупь пытаемся опознать, чем это было раньше»<sup>5</sup>.

Вадим Лоскутов: «*Воспламененным* благородной идеей, чтобы огненные все стало лучше, дешевле, обильней, качественней и вообще доступней для трудящихся, история предоставляла обширное поле деятельности независимо от ихнего образования»<sup>6</sup>. Вадиму же принадлежит поэтическое сравнение революции с огнедышащей стихией, открывающей для человека новые и невиданные до настоящего дня горизонты. Показательно стихотворение «Икар», найденное при аресте Вадима в его архиве. Стихотворение посвящено самому себе и раскрывает мысль Вадима о возможности самосожжения в огне революции»<sup>7</sup>.

Сталин: «последним средством оздоровить мир у нас остается *предание его огню*, чтоб не восторжествовало зло»<sup>8</sup>.

Не составит труда заметить во всех высказываниях сравнение революционных преобразований с огнем. Огонь становится маркером революции, ее символом и означает гибель России в революционном огне, что сближает революцию с темой Апокалипсиса. Мы не станем подробно останавливаться на данной метафоре, лишь отошлем к глубокой и интересной статье Н. А. Непомнящих «От факела Прометея к самосожжению: символика огня у Л. М. Леонова и ее литературные аллюзии» [13].

В художественной историософии В. Шарова событие русской революции занимает центральное место. В. Шаров убежден, что русской истории свойственна революционность, это не феномен, не что-то привнесенное извне, заимствованное, но органически присущее русской жизни, русской ментальности, русской государственности. Писатель выделяет *верховые* революции-пожары (активно-революционная реформаторская деятельность власти) и *низовые* революции (активность народа, возникающая либо как противодействие верховной власти, либо как самостоятельная инициатива). Обратим внимание на совпадение у Л. Леонова и В. Шарова историософских метафор. Леоновский Сталин в разговоре с ангелом Дымковым озвучивает два возможных вектора движения к всеобщему раю, счастью: верхний маршрут и низовой маршрут. «Ибо разуверившись в непосильном для всех *верхнем* маршруте по заоблачным горным хребтам, иное резвое поколение может предпочесть *низовой*, покороче, путь к заветной цели – возвратом к обычаю прошлых времен, где универсальное райское блаженство жителей достигалось отсутствием со-

блазнов»<sup>9</sup>. У В. Шарова данные маршруты превращаются в *верховой пожар* идеей и реформ сильной верховной власти, увлекающей народ к свершению утопических проектов (к «заоблачным горным хребтам») и *низовой пожар* ответных проектов народа. Художественная стратегия Л. Леонова совпадает со стратегией В. Шарова в плоскости пересечения идей, и того и другого писателя интересует идея как отправная точка в процессе движения истории. Зарождение идеи, ее развитие, интерпретация, преобразование и конечный результат становится основным сюжетом всех романов В. Шарова. В этом смысле идея революционности русской жизни отражается в метафоре *верховых* и *низовых* пожаров.

Одной из первых революционных идей верховной власти В. Шаров считает теорию «Москва – Третий Рим», в результате воплощения которой произошла перестройка русской государственности (русский царь – избранник Божий, особая мессианская роль России в мировой истории, русская святая земля) и русской ментальности (русские – избранный народ, народ-богоносец). Художественная интерпретация данной идеи воплощена писателем в романе «Репетиции» (1992). В сюжете романа персонажем, воплощающим идею в реальность, становится патриарх Никон. С его точки зрения (он полагает себя избранным носителем истинной веры, жизненаправляющей идеи, поэтому в детстве Бог несколько раз спасал его от смерти), возможность создания теократического государства на Руси позволит осуществить преобразование Руси в Святую землю, Новый Иерусалим, что возложено на избранный русский народ, призванный приближать грядущий конец времен и наступления Царствия Небесного. Точная формулировка идеи, перспективы, ею открываемые, позволяют Никону начать перестройку русской реальности, которая должна развиваться по установке Никона в двух направлениях. С одной стороны, перестройка пространства, ландшафта с целью воссоздания Святой земли, куда возможен второй приход Христа (строительство монастырского комплекса на Истре – Новый Иерусалим, переименование рек, озер, сел). С другой стороны, перестройка сознания русского православного человека (сознания царя Алексея Михайловича, сознания духовенства, сознания простых обывателей) с целью торжества благочинного, «чистого» православия. В сюжете романа начинается длительный процесс осуществления метафизической воли, реализации верховной властью революционной идеи, сопровождающейся насилием, казнями,

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 2. С. 39.

<sup>7</sup> Там же, с. 45.

<sup>8</sup> Там же, с. 598.

<sup>9</sup> Там же, с. 596.

расколом. «Репетиции» можно воспринимать как авторскую версию В. Шарова о механизмах русского религиозного раскола XVII в.

Соответственно, алгоритм развития русской истории предстает в авторском мышлении В. Шарова как циклическое повторение *верховых* и *низовых* революций. Реформы Ивана IV, Петра I, политические репрессии 1930-х гг. являются инициативой власти. Примерами прорыва *низового пожара* В. Шаров считает восстание И. Болотникова (1606–1607), крестьянскую войну Е. Пугачева (1773–1775), холерные бунты 1830-х гг., поведение русского казачества до возведения его в статус военного сословия, русское духовное подполье. В образе революции В. Шаров соединяет черты хаотичности, утопичности, эсхатологичности, присущие русской истории в целом. Революция, однозначно, в художественном мире писателя воплощает и отражает смысл и образ русской истории. Собственно революция и есть историософский русский истории, ее логика, формула и модель. О революции и ее последствиях все романы В. Шарова, его историография: «След в след» (1989), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть...» (1995), «Старая девочка» (1998), «Воскрешение Лазаря» (2003), «Будьте как дети» (2007), «Возвращение в Египет» (2013).

Таким образом, оба писателя видят в революции центральный историософский образ всей русской истории. Оба обнаруживают катастрофичность и эсхатологичность революции для основ русской жизни, традиции, бытия. Оба выделяют символику огня, костра, пожара, пожарающего и Россию в целом, и народ, и отдельного человека. Революция предстает бездной, в которой исчезли миллионы людей и страна. Но если Л. Леонов, придерживаясь теории цикличности русской истории, видит феноменологическую сущность революции, это странное и страшное *наваждение*, то В. Шаров доказывает обычность, повторяемость революции в русской истории. Потому так различны финалы, итоги «Пирамиды» и романов В. Шарова. У Л. Леонова нет выхода из огня революции, роман заканчивается апокалиптическими картинами исчезновения Старо-Федосеева и всей России. Автор и повествователь остается погорельцем среди пожара: «Столбы искр взвивались в отемневшее небо, когда подкидывали новую охапку древесного хлама на перемол огонь. Они красиво реяли и гасли, опадая пеплом на истоптанный снег, на просторную окрестность по ту сторону поверженного наземь Старо-Федосеева, на мою подставленную ладонь погорельца»<sup>10</sup>. Герои В. Шарова из романа в роман способны преодолеть дурную беско-

нечность повторяемости событий и представить собственную версию события, зафиксированную в индивидуальном слове, тексте, дневнике, цикле рассказов и т. д. Память становится тем духовным импульсом, что позволит выйти из хаоса революции невредимым, сохраняя надежду на воскрешение, возрождение, бессмертие.

#### Образ народа у Л. Леонова и В. Шарова

В научной литературе о «Пирамиде» неоднократно повторяется мысль о соблазне народа революцией. И в авторском жанровом определении романа, и в слове *наваждение* (навада – соблазн, искушение) соблазн, обнаруживающийся в революции для человека, для народа как быстром средстве достичь рая на земле, определяет и поступки, и мысли, и характер «нового человека». Соблазн в романе Л. Леонова многообразен: соблазнительное отпадание о. Матвея от Бога (ересь Лоскутова), соблазн-западня для Дымкова, соблазн отказа от веры и семьи для Вадима Лоскутова, соблазн власти (по словам Сталина исторический путь «сквозь дым и живое мясо») и т. д. Но, на наш взгляд, центральная авторская историософская мысль состоит в соблазне отказа человека и народа от телеологического алгоритма истории. Л. Леонов посредством монологов многих персонажей в романе обозначает те концептуальные позиции, на которых сосредотачивается народное сознание в своем стремлении уйти от исторических законов метафизической телеологии.

Во-первых, это мысль о схожести христианской и революционной доктрин, в этом смысле православие вполне заменяется верой в революцию, отменившую религиозный ритуал, но представшей как обнаженное христианство, несущее возможность преображения мира, человека, Бога. Расколы, смуты, гражданские войны, неизбежно возникающие как следствия революционных изменений, обнаруживают трагический, хаотический, бесчеловечный характер истории-революции, но не отменяют значение жертвенного подвига, страстей, страданий во имя веры, отсюда образы революционеров-мучеников в русской истории, которые ничуть не уступают христианским святым. Об этом подробно говорит Сталин в беседе с Дымковым<sup>11</sup>, предвидя возможность появления сверхлюдей – революционных святых – в результате процессов насильственной переделки человека: «если раньше идея наша выгодно опиралась на подспудную веру здешних жителей в некое праведное царство, теперь расчет велся на близость цели, которая в условиях отчаянья делает подвиг нормой человеческого поведения,

<sup>10</sup> Там же, с. 684.

<sup>11</sup> Там же, с. 598.

а отравленные мечтой не чувят и боли к тому же»<sup>12</sup>. Поэтому выбор народа в пользу революции, активная реализация революционного проекта народом закономерны как попытка противопоставить свою активность Богу.

Во-вторых, это обида на Бога, на созданный им мир, на существующие Божьи законы и нормы. В романе мотив обиды проявляется в вопрошаниях и мыслях о Матвее, его бредовом сне, когда Христос остается в одиночестве, в сцене взрыва храма, в апокалиптических видениях Дуни Лоскутовой, в монологе фининспектора Гаврилова. Обида народа связана с осознанием собственной ущербности, случайности, малости, духовной нищеты. О. Матвей, размышляя о необходимости создания человека, перебирает разные мотивы Творца – от скуки до хозяйственной необходимости и приходит к мысли оставленности человека небом: «ничком валился на щербатый, выхоженный пол и, не простужаясь, по часу и дольше лежал распластаный, шепча сто тридцать восьмой псалом, и так был насторожен слух, что слышал паденье оторвавшейся от купола снежинки инея. <...> И не было о. Матвеем ни намека, ни хотя бы утвердительно лучика в ответ, всего лишь курлыкали вверху слетевшиеся на ночлег изыбшие голуби, да вечерний сквозняк шевелил ржавые листья порванной кровли»<sup>13</sup>.

От сознания собственной ненужности, случайности, ошибки происходит в народе, по мысли автора, стремление унизить проект Творца, переделать мир под собственные лекала, отсюда тезисы равенства, братства, социальной справедливости, переработанные в уравниловку, торжество посредственности, скудоумия, насилия, жестокости, зла.

И в-третьих, обида человека рождает собственный комментарий к тексту, данному Творцом. События русской истории предстают как процесс комментирования народом Священного Писания, это то, как народ понимает, интерпретирует данное и сказанное Богом. Отсюда не только искажения, но и тупики, абсурд, хаос и бессмысленность истории, создаваемой народом, человеком. Отсюда и пессимизм, мизантропия Л. Леонова. По мысли А. Ю. Майдурова, «в процессе секуляризации человек не только замахнулся на бытие Божественное, но и лишился основания собственного бытия. Произошла деонтологизация, и для восстановления собственного онтологического статуса, для возвращения ценности индивидуальному и коллективному существованию людям необходим пересмотр всех сфер человеческой жизни как последняя возможность вернуться к Богу» [14, с. 121].

Переходя к В. Шарову, можно отметить, что все вышесказанное абсолютно приложимо к понима-

нию последним историософской сущности народа. Народ в русской истории предстает в романах В. Шарова в различных воплощениях. Во-первых, народ разделяется на два типа: народ веры (старообрядцы, сектанты, толстовцы, преследуемые властью христиане, новообращенные), выстраивающий свое существование в повседневной жизни и в истории как постоянный диалог с Богом; и народ света, светской жизни (светские дамы, чекисты, обыватели, военные и солдаты), живущий в соответствии с правилами и законами существующей верховной власти. Однако, и те, и другие являются носителями некоей идеи, осуществление которой составляет главную цель жизни. Поэтому объединенный идеей народ становится некоей безликой массой, *фоном* для великих деяний исторических личностей («коллективное тело» по замечанию критика Д. Бавильского) или *хором* без выделения индивидуальностей, послушным воле дирижера («Мне ли не пожалеть...», 1995). В этом смысле историческая деятельность народа сводится к послушанию и молчанию, равнодушному орудию в чужих руках. С другой стороны, в народной среде выделяются некие голоса (солисты в хоре), способные не только к фиксации происходящего в истории, но и рефлексии, аналитике. Так рождаются народные рассказчики, с помощью которых автор и читатель может не только воспроизвести *подлинный* ход события, но и попытаться рассмотреть *версию, модель* развития того или иного события, без мифологизации, свойственной официальным, из учебников, концепциям исторического процесса. Это, безусловно, маргинальная народная история, некое духовное историческое подполье, остающееся за пределами истории государственной, ибо, как правило, подполье не имеет подлинных исторических документов, но воплощает несколько проектов поиска Правды, что и является комментарием народа к Святому Писанию: онтологический – создание мироздания (в религиозно-мистическом смысле), в котором единственным идеалом, Правдой является вера («Репетиции», 1992); социальный – осуществление революционных преобразований как попытки переделать реальность с позиций Правды и справедливости («Мне ли не пожалеть...», 1995); социально-философский – множественность вариантов и идей по поиску Правды и воплощения ее в реальность («Воскрешение Лазаря», 2003, «Будьте как дети», 2007, «Возвращение в Египет», 2013).

### Заключение

«Большая» история России, реализующаяся как бесконечно повторяющийся революционный проект по переделке реальности, не имеет цели и смысла

<sup>12</sup> Там же, с. 599.

<sup>13</sup> Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 58.

в прогрессистском значении. Историческое сознание В. Шарова, как и Л. Леонова, прозревает в алгоритме развития русской истории одни и те же элементы, этапы, вехи, ведущие в тупик или обнажающие блуждание по кругу в погоне за утопическими идеями. Л. Леонов говорил об этом так: «В России, кроме климатических зим, бывают еще зимы исторические, не менее суровые, когда все, скованное континентальным морозом, погружается в спасительную спячку, на грани смерти, так что пищеварение происходит, но душевный пульс уже не прощупывается. Периодом между замерзанием и оттаиванием и мерится исторический шаг этой страны» [15]. По мысли Л. Леонова, исторические тупики обнажают поучительный опыт России, необходимый другим народам и странам. В размышлениях о Матвее Лоскутова авторская мысль проявляется следующим образом: «Нас взяли на заманку всемирного братства... Боюсь, что вскоре Господь накажет нас исполнением желаний... – ибо оглянився, как жутко и страстно железкой выскребаем разум из собственного черепа своего, стремимся погасить высший дар Его... кровью застигается рассудок от созерцанья неотвратимых последствий... Невольная приходит на ум догадка – не в том ли заключалось историческое предназначение России, чтобы с высот тысячелетнего величия и на глазах у человечества рухнуть наземь и тем самым собственным примером предостеречь грядущие поколения от повторных затей учинить на земле без Христа и гения райскую житуху? И вот лукавый бес ночной шепчет мне под руку полюбоваться – как причудливо выполняется у нас нагорное пророчество о примате нищих духом в царстве Божиим»<sup>14</sup>.

Поэтому В. Шаров, как и Л. Леонов, скорее пессимистичен в прогнозе будущего и осознании настоящего. Но с той разницей, что ищет и описывает духовные импульсы живых людей, пытающихся в индивидуальном слове вернуть смысл жизни из хаоса, смерти, ужаса, забвения, абсурда. Его художественная стратегия заключается в воспроизведении индивидуального слова как реакции на революцию, слова как выражения отношения к реальности и метафизическому миру, Богу. История сохраняет следы присутствия индивида, имеет память.

В интервью В. Шаров говорит об этом так: «Я пытаюсь вернуть огромный пласт жизни или даже чаще просто помянуть миллионы людей, которые жили, рожали детей, воевали и много о чем думали. Большинство из них погибло. Но у них

была своя правда, и, какие бы ошметки, ничтожные обрывки от нее ни остались, восстанавливать эту правду необходимо. Иначе мы ничего не поймем в нашей общей судьбе. Мир так устроен, что и при жизни человека, и после его смерти здесь, на земле, справедливости немного. От кого-то, например белых и красных, сохранилось огромное количество документов, а от других, чья роль в русском XX веке была не меньшей, – почти ничего. Тысячи и тысячи проповедников, странников были бесписьменными, они передавали свои знания из уст в уста. И найти то, во что они веровали, чего ждали и на что надеялись, непросто. В любом случае я пытаюсь это понять» [16].

Думается, что мысль о возможности духовного преодоления (посредством памяти, создания индивидуального текста, слова) исторических тупиков и бездн осталась вне художественного сознания Л. М. Леонова, при том что историософские положения «Пирамиды» открывают для современной исторической прозы возможности поиска истинных механизмов движения русской истории XX в. Искушение революцией, по мысли Л. Леонова, привело Россию к концу истории. Стратегия постмодернистского квазиисторического романа позволяет увидеть в ситуации конца сослагательность, версионность, фантазмагоричность, деконструкцию и иронию истории. Стратегия реалистического исторического романа возвращает читателя к подлинности событий, реконструирует ход истории, чтобы объяснить ее логику, в том числе и эсхатологическую. Проза В. Шарова в этом смысле оказывается на пересечении различных стратегий, фиксируя в авторской историософии сложность и многомерность русской истории, ее заикленность на утопических мессианских идеях, ведущую к внутреннему расколу, в котором, потеряв единство и надежду, народ оказывается в замкнутом трагическом круге. Спасение В. Шаровым обнаруживается в воскрешении памяти, воссоздании (пусть фантазмагорическом) текстов, исчезнувших в бездне истории людей, которые пытались рассказать свою правду и обрести смысл в абсурдной исторической реальности. Прояснить авторскую стратегию в контексте современной исторической прозы позволяет обращение к возможным удаленным контекстам, каковым и становится «Пирамида» Л. Леонова для В. Шарова.

### Литература

1. Русская проза рубежа XX–XXI веков / ред. Т. М. Колядич. М.: Флинта, 2011. 520 с.
2. Тимина С. И., Маркова Т. Н., Кякшто Н. Н., Катаев В. Б., Валиева Ю. М., Ковтун Е. Н., Васильев В. Е., Воронина О. Ю., Черняк М. А., Левченко М. А., Черняк В. Д., Мартыанова И. А. Современная русская литература конца XX – начала XXI века / ред. С. И. Тимина. М.: Академия, 2011. 384 с.

<sup>14</sup> Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 57.

3. Ащеулова И. В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1. С. 80–97.
4. Вьюгин В. Ю. Роман Л. Леонова «Пирамида». III научный семинар // Русская литература. 1998. № 2. С. 222–228.
5. Запевалов В. Н. Международная научная конференция «Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания» // Русская литература. 1998. № 4. С. 239–249.
6. Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке / ред. Т. М. Вахитова. СПб.: Наука, 2002. 168 с.
7. Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / сост. Т. М. Вахитова, В. П. Муромский. СПб.: Наука, 2004. 472 с.
8. Саликов О. Р. Роман Л. М. Леонова «Пирамида»: художественная функция экзистенциального опыта героев: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. 189 с.
9. Хрулев В. И. Символические образы культуры и истории в прозе Леонида Леонова // Бельские просторы. 2018. № 4. С. 116–126.
10. Якимова Л. П. Мотивная структура романа Л. Леонова «Пирамида». Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 248 с.
11. Варламов А. Н. Наваждение Леонида Леонова // Москва. 1997. № 4. С. 140–149.
12. Прилепин З. Подельник эпохи: Леонид Леонов. М.: Астрель, 2012. 832 с.
13. Непомнящих Н. А. От факела Прометея к самоожжению: символика огня у Л. М. Леонова и ее литературные аллюзии // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы средневековья и нового времени. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2009. С. 296–310.
14. Майдурова А. Ю. Роман Л. М. Леонова «Пирамида»: проблема художественной антропологии: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 188 с.
15. Леонова Н. Л., Макаров Н. А. Леонид Леонов. Из записной книжки. 1950–1960-е годы // Наше наследие. 2001. № 58.
16. Шаров В. «Пытаюсь написать душу истории» (интервью провел А. Мирошкин) // Книжное обозрение. 2003. № 5.

---

## THE REVOLUTION AND THE PEOPLE OF L. LEONOV AND V. SHAROV: HISTORIOSOPHICAL DIALOGUE OF TWO WRITERS

*Irina V. Ashcheulova*<sup>a, @</sup>

<sup>a</sup> *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*  
<sup>@</sup> *asheulova@mail.ru*

*Received 29.12.2017. Accepted 31.10.2018.*

**Keywords:** the image of the revolution, the image of the people, artistic historiosophy, Russian history

**Abstract:** The article examines the historical communication between two writers – Leonid Leonov («The Pyramid») and V. Sharov («Rehearsals», «Before and During», «Raising Lazarus», «Be like children»). The analysis featured the central artistic images and motifs of their novels, namely the Russian revolution and the people. According to the hypothesis, there are points of convergence between their historiosophical concepts. The Russian history, the way it was presented in their novels, was subjected to a multidimensional analysis, which revealed its catastrophism and eschatology. The revolution was largely demythologized by both Leonov and Sharov: they did not see it as an event that opened the possibility of creating a new world (paradise on earth) and a new man. So was the image of a God-bearing people who lost faith in the pursuit of social miracles. Both writers saw the revolution as the central historiosophical image of all Russian history. Both authors stressed the catastrophic and eschatological effect the revolution had for the foundations of Russian life, traditions, and Existence. Both authors used the symbolism of fire devouring Russia, its people, and every individual. In their novels, the revolution was an abyss which devoured millions of people and the

country itself. L. Leonov followed the theory of cyclical nature of Russian history; for him, the phenomenological essence of the revolution was a strange and terrible delusion that captured the country and its people. V. Sharov was trying to prove the usual, repeatable character of revolution in Russian history: the cyclical nature of history was obvious to the writer. Sharov's artistic strategy was to reproduce the individual word as a reaction to the revolution, words as expressions of attitudes towards reality, the metaphysical world, and God. History, according to Sharov, retains the traces of individual presence: it has a memory of its own.

**For citation:** Ashcheulova I. V. Revoliutsiia i narod L. Leonova i V. Sharova: istoriosofskii dialog dvukh pisatelei [The Revolution and the People of L. Leonov and V. Sharov: Historiosophical Dialogue of Two Writers]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 182–189. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-182-189>

### References

1. *Russkaia proza rubezha XX–XXI vekov* [Russian prose of the turn of the XX–XXI centuries]. Ed. Koliadich T. M. Moscow: Flinta, 2011, 520.
2. Timina S. I., Markova T. N., Kiakshto N. N., Kataev V. B., Valieva Iu. M., Kovtun E. N., Vasil'ev V. E., Voronina O. Iu., Cherniak M. A., Levchenko M. A., Cherniak V. D., Mart'ianova I. A. *Sovremennaia russkaia literatura kontsa XX – nachala XXI veka* [Contemporary Russian literature of the late XX – early XXI centuries]. Ed. Timina S. I. Moscow: Akademiia, 2011, 384.
3. Ashcheulova I. V. Istoricheskaia proza V. Sharova v kontekste russkoi istoricheskoi prozy vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [V. Sharov's historical prose in the Russian historical fiction of second half of XX – early XXI centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, no. 1 (2013): 80–97.
4. V'iugin V. Iu. Roman L. Leonova "Piramida". III nauchnyi seminar [L. Leonov's novel "The Pyramid". III scientific seminar]. *Russkaia literatura = Russian literature*, no. 2 (1998): 222–228.
5. Zapevalov V. N. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Roman L. Leonova "Piramida". Problema miroopravdaniia» [International scientific conference "L. Leonov's novel "The Pyramid". The Problem of the Justification of the World]. *Russkaia literatura = Russian literature*, no. 4 (1998): 239–249.
6. *Poetika Leonida Leonova i khudozhestvennaia kartina mira v XX veke* [Leonid Leonov's poetics and the artistic picture of the world in the XX century]. Ed. Vakhitova T. M. Saint-Petersburg: Nauka, 2002, 168.
7. *Roman L. Leonova "Piramida". Problema miroopravdaniia* [L. M. Leonov's novel "The Pyramid". The problem of world justification]. Comp. Vakhitova T. M., Muromskii V. P. Saint-Petersburg: Nauka, 2004, 472.
8. Salikova O. R. *Roman L. M. Leonova "Piramida": khudozhestvennaia funktsiia ekzistentsialnogo opyta geroev*. Diss. kand. filol. nauk [L. M. Leonov's novel "The Pyramid": artistic function of the existential experience of characters. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Tambov, 2016, 189.
9. Khrulev V. I. Simvolicheskie obrazy kul'tury i istorii v proze Leonida Leonova [Symbolic images of culture and history in Leonid Leonov's prose]. *Bel'skie prostory = Belsky expanses*, no. 4 (2018): 116–126.
10. Yakimova L. P. *Motivnaia struktura romana L. Leonova "Piramida"* [The motive structure of L. M. Leonov's novel "The Pyramid"]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003, 248.
11. Varlamov A. N. Navazhdenie Leonida Leonova [Leonid Leonov's obsession]. *Moskva = Moscow*, no. 4 (1997): 140–149.
12. Prilepin Z. *Podel'nik epohi: Leonid Leonov* [Accomplice of the era: Leonid Leonov]. Moscow: Astrel', 2012, 832.
13. Nepomniashchikh N. A. Ot fakela Prometeia k samosozhzhenniu: simbolika ognia u L. M. Leonova i ee literaturnye alliuзии [From the Prometheus flame to self-immolation: the symbolism of fire in Leonid Leonov and its literary allusions]. *Narrativnye traditsii slavianskikh literatur. Povestvovatelnye formy srednevekov'ia i novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures. Narrative Forms of the Middle Ages and New Times]. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 2009, p. 296–310.
14. Maidurova A. Yu. *Roman L. M. Leonova "Piramida": problema hudozhestvennoi antropologii*. Diss. kand. filol. nauk [L. Leonov's novel "The Pyramid": the problem of artistic anthropology. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2007, 188.
15. Leonova N. L., Makarov N. A. Leonid Leonov. Iz zapisnoi knizhki. 1950–1960-e gody [Leonid Leonov. From the notebook. 1950–1960s]. *Nashe nasledie = Our Heritage*, no. 58 (2001).
16. Sharov V. "Pytaius' napisat dushu istorii". Interv'iu provel A. Miroshkin ["I'm trying to write the soul of history". Interview conducted by A. Miroshkin]. *Knizhnoe obozrenie = Book Review*, no. 5 (2003).